

Научная статья

УДК 81'232.811.161.1

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16305>

EDN: <https://elibrary/MDBWXQ>

СУБЪЕКТ МОДАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ (АНАЛИЗ СЛУЧАЯ)

В.В. Казаковская

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

victory805@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено функционированию средств выражения субъектной семантики (личных местоимений и имен существительных) в их отношении к развитию модальной (деонтической и эпистемической) оценки высказываний, рассматриваемых на фоне модально немаркированных глагольных конструкций. Выявляется репертуар ранних средств выражения каждой предикативной категории; определяются их частотные и дистрибутивные характеристики; обсуждаются особенности соответствующих высказываний. Модальные конструкции и используемые в них средства выражения субъектности в речевой продукции ребенка сопоставляются с аналогичными данными в речи взрослых — обращенной к ребенку и друг к другу. Материалом для исследования служит лонгитюдный корпус, расшифрованный и морфологически закодированный в соответствии с CHILDES (более 8 часов аудио- и видеозаписей, содержащих свыше 15500 словоупотреблений). Основным информантом выступает типично развивающийся русскоязычный мальчик третьего года жизни из семьи среднего социально-экономического статуса. Для сравнения субъектных и модальных предпочтений говорящих в диаде «взрослый — ребенок» и в узуальной речи взрослых носителей языка привлекается устный подкорпус НКРЯ. Результаты анализа субъектного компонента детских высказываний свидетельствуют о доминировании личных местоимений с перволичной семантикой над другими средствами выражения и личными значениями. В сфере модальности деонтическая семантика преобладает над эпистемической. В рамках первой превалирует долженствование, в рамках второй — неуверенность в достоверности сообщаемого. Деонтически и эпистемически маркированные высказывания находятся в сильной корреляционной связи. По частоте модально маркированных реплик детская речевая продукция сопоставима с узуальной речью взрослых, тогда как по частоте используемых субъектных средств — с родительским инпутом. В модальных высказываниях диады «взрослый — ребенок» доли личноместоименного и нулевого субъекта равны, в то время как в разговорной речи взрослых личноместоименный субъект используется чаще. Общим для всех говорящих является меньшая частота употребления именных субъектов.

Ключевые слова: усвоение языка, личные местоимения, имена существительные, продроп, деонтическая модальность, эпистемическая модальность, лонгитюдное наблюдение.

Финансирование: грант РНФ № 25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разноструктурных языков)».

Для цитирования: Казаковская В.В. Субъект модальных высказываний в русской детской речи (анализ случая) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 66–86. DOI: 10.18721/JHSS.16305

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16305>

SUBJECT OF MODAL UTTERANCES IN RUSSIAN CHILD SPEECH (CASE STUDY)

V.V. Kazakovskaya

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation

 victory805@mail.ru

Abstract. This study is dedicated to the functioning of means of expressing subject semantics (personal pronouns and nouns) in relation to the development of modal (deontic and epistemic) evaluation of utterances, considered in the context of modally unmarked verb-based constructions. The repertoire of early expressions for each predicative category is identified, their frequency and distribution characteristics are determined and the features of the corresponding utterances are discussed. Modal constructions and the means of expressing the subject within them in the child's speech production are compared with similar data in the speech of adults – child-directed speech and adult-directed speech. The material for the study is a longitudinal corpus of data, transcribed and morphologically coded in accordance with CHILDES (over 8 hours of audio and video recordings, containing more than 15,500 tokens). The target informant is a typically developing, three-year-old Russian-speaking boy from a middle socio-economic status family. An oral sub-corpus of the Russian National Corpus is used to compare the subject and modal preferences of speakers in the “adult – child” dyad and in adult-directed speech. The results of the analysis of the subject component in child utterances indicate the dominance of personal pronouns with first-person semantics over other personal semantics and their expressions. Within the modality domain, deontic semantics predominates over epistemic. Within the former obligation prevails, while within the latter uncertainty is dominant. Deontically and epistemically marked utterances show a strong correlational relationship. In terms of the frequency of modal-marked utterances, child speech production is comparable to the adult-directed speech, while in terms of the preferences for subject expression means, it aligns with parental input. In modal utterances in the “adult – child” dyad, the proportions of personal pronoun subjects and their pro-drop are equal, whereas in adult-directed speech, personal pronouns are used more frequently than omitted. A common feature for all speakers is the lower frequency of nominal subjects.

Keywords: first language acquisition, personal pronouns, pro-drop, nouns, deontic modality, epistemic modality, longitudinal observation.

Acknowledgements: грант РНФ № 25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разноструктурных языков)»

Citation: Kazakovskaya V.V., Subject of modal utterances in Russian child speech (case study), *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 66–86. DOI: 10.18721/JHSS.16305

Введение

Проблема соотношения показателей персональности и модальности не являлась предметом обсуждения ни на материале детской речи, ни на данных получаемой ребенком речевой продукции — родительского инпута (*parental input*). Между тем обе категории принадлежат к числу предикативных, без представления об онтогенезе которых затруднительно судить о становлении высказывания в единстве его семантических, грамматических, коммуникативных и прагматических аспектов, причем в каком бы то ни было языке. В свою очередь, категория (и — шире — функционально-семантическое поле, *ФСП*) персональности системно пересекается с субъектностью [1, с. 69], в центре которой находятся языковые средства выражения субъекта [2]. Изучение межкатегориальных связей [3] в предикативной сфере представляет интерес не только в онтогенетической перспективе, но и в типологической, в частности при толковании

понятия предикативности (*predication*) и классификации глагольных и неглагольных высказываний (*verbal vs nonverbal clauses*) [4, §6].

Работы, посвященные онтогенезу каждой из категорий в русском языке, весьма немногочисленны по сравнению с исследованиями, описывающими их функционирование в речи взрослых. Так, об усвоении семантики и средств выражения субъекта, в числе которых обычно рассматривают личные местоимения (далее — ЛМ), известно, что при всей сложности, возникающей в силу их шифтерной природы и неизбежно сказывающейся на успешности процесса, количество ошибочных форм, на удивление, невелико [5, 6]. К факторам, объясняющим такое положение дел, относят прагматическую значимость ЛМ в диалогическом общении. В меньшей степени по сравнению с онтогенезом персонального дейксиса [7, 8]¹ и анафоры [9, 10] описаны механизмы координации ЛМ с предикатом (в другой терминологии, глагольного согласования, предикцирования) [11, 12], реализация их потенциалов к опусканию (далее — продроп (*pro-drop*), 0.ЛМ) в высказываниях разного типа [13–15], специфика и роль персонального инпута². Анализ раннего согласования «субъект — предикат» свидетельствует о том, что ЛМ вступают в координацию с глаголами через несколько месяцев после их независимого (по отношению друг к другу) употребления. По очередности вступления модальные глаголы занимают срединную позицию между диктальными/диктумными и модусными [11].

Характеризуя степень изученности модального онтогенеза, отметим, что на материале ранней детской речи освещение получили лишь его отдельные аспекты. К их числу относится усвоение побудительности [16–18], возможности и необходимости³, эпистемической и — шире — субъективной семантики [19–22]⁴. Кластерный анализ, соотносящий появление модальных средств с другими грамматическими процессами, выявил связь между употреблением эпистемических маркеров — одного из языковых средств эгоцентрической природы (Б. Рассел, Е.В. Падучева) — и становлением механизма координации в глагольных высказываниях, субъектную позицию которых занимают ЛМ 1-го лица [11]. Поздние этапы усвоения модальности, находящие отражение в устной и письменной речи школьников, получили описание применительно к субъективно-модальной семантике. Сопоставление порядка появления средств ее выражения в детских текстах, привлеченных к анализу в диапазоне от первых сочинений-рассуждений пятиклассников до выпускных работ, и в ранней устной речи обнаружило параллели между двумя процессами [23, 24]. Сравнение употребления вводно-модальных слов в текстах школьников и в языке мастеров художественного слова указало на расширение функционального диапазона при создании образа автора (В.В. Виноградов) в художественном нарративе [25] (см. также [26]). Верификация гипотезы об усвоении системы средств выражения авторского/субъективного начала (субъективации), интерпретируемых в терминах эксплицитного, по Ш. Балли, модуса [27], в ее связи с когнитивным развитием позволила соотнести изучаемые процессы со становлением модели психического (*theory of mind, ToM*) [28, 29]. Результаты кросс-лингвистического анализа усвоения модальности, осуществленного по данным 14 языков различной структуры и генетической принадлежности (включая славянские и русский в их числе), позволили наметить последовательность этого процесса. Освоение модальности происходит в направлении от динамической (*dynamic modality*) и деонтической (*deontic modality*) сфер к эпистемической (*epistemic modality*) [30] (см. также [31]).

¹ См. также: Краснощекова С.В. Местоименный дейксис в русской детской речи: дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2016. 273 с.; Чиглова Е.И. Стратегии освоения категории лица в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2019. 199 с.

² См. подробнее: Казаковская В.В. Обращенная к ребенку речь взрослого и усвоение персональности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. № 5 (в печати).

³ См.: Офицера Е.А. Выражение модальных значений возможности и необходимости в русской детской речи: дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2005. 175 с.

⁴ См. также: Швец В.М. Усвоение ребенком эпистемической модальности: дисс. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2004. 162 с.

Таким образом, обзор степени изученности предикативных категорий на материале русской детской речи указывает на нерешенность ряда вопросов. К числу наиболее важных относится проблема становления субъектных и модальных значений высказывания в их языковом выражении, предполагающая выявление способствующих данному процессу факторов и механизмов его осуществления. В проводимом исследовании усвоение средств языкового выражения субъектной семантики (в число которых, помимо традиционно привлекаемых ЛМ, включаются их нуль (0.ЛМ) и имена существительные) анализируется в соотношении с формированием начального репертуара модальной оценки высказывания, представленной не только предикатами (глагольными и неглагольными), но и вводными компонентами, то есть выраженной как внутри-, так и внешнесинтаксически. Тем самым впервые в рамках одной работы рассматриваются не только две предикативные категории, но и не становившиеся до сих пор предметом совместного обсуждения сферы модальности и способы выражения субъекта. Предлагаемый подход к анализу языкового материала позволит ответить на вопросы о том, каким образом происходит развитие предикативных средств языка и как именно в этом процессе связаны различные аспекты их категориальной семантики.

В наши задачи входит определение последовательности появления соответствующих высказываний в детской речи, их количественных и качественных (семантических и грамматических) характеристик, а также выявление трендов «возрастной» динамики в лонгитуде. Обсуждение результатов предваряется сравнением детской речевой продукции с данными двух корпусов устной спонтанной речи взрослых носителей языка — обращенной к ребенку (*child-directed speech*) и друг к другу (*adult-directed speech*, далее — узуальная речь) — для обнаружения субъектных и модальных предпочтений говорящих.

Методология и методика

Исследование проведено на материале недавнего по времени сбора лонгитюдного корпуса расшифрованной, затранскрибированной и морфологически размеченной в соответствии с международными конвенциями CHILDES [32] речи и представляет собой так наз. анализ случая (*case study*)⁵. Аудио- и видеозаписи фиксируют общение взрослых с типично развивающимся монолингвальным русскоязычным ребенком — мальчиком третьего года жизни (2;1–3;0)⁶, который является, в свою очередь, первым годом усвоения семантики и средств языкового выражения персональности и модальности. Ребенок растет в полной семье со средним социально-экономическим статусом (*middle socioeconomic status / SES*).

Объем языкового материала составляет более 4000 высказываний (15563 словоупотребления) взрослых и ребенка (2153/9421 и 2205/6142 соответственно)⁷. Для сопоставления детской речи не только с родительским инпутом, но и с узуальной речью взрослых привлекался устный подкорпус НКРЯ (*ruscorpora.ru*), а именно бытовые непубличные диалоги. Их выбор обусловлен наибольшей степенью приближенности к инпуту по сравнению с публичной и/или подготовленной устной речью и другими речевыми жанрами. Для создания выборки из случайной «выдачи» (5000 высказываний) вручную были отобраны глагольные реплики в объеме, соответствующем их количеству в диаде «взрослый — ребенок» за период наблюдения.

Выборка из детскоречного корпуса создавалась с помощью программ *freq* и *combo* из пакета CLAN [32]. Приводимый ниже фрагмент морфологически закодированной (%*mor*) видеозаписи

⁵ Всемирно известным «кейсом» стал дневник наблюдений А.Н. Гвоздева «От первых слов до первого класса», легший в основу его фундаментального труда [5], по сей день учитываемого отечественной логопедией при определении нормативного речевого развития (см., например, [33]).

⁶ Здесь и далее приводится возраст ребенка в годах и месяцах. Корпус («Кирилл») принадлежит Фонду данных детской речи (далее — ФДДР), собираемому в Отделе теории грамматики ИЛИ РАН и Лаборатории детской речи РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

⁷ Термины высказывание, (диалогическая) реплика, конструкция применительно к данным раннего речевого онтогенеза используются синонимично.

общения «взрослый — ребенок (2;7)» показывает результат «выдачи» программы по команде *combo* «+t*CHI* +t%mor +sV* +w2 -w2 @».

*** File "Kirill-2_07.cha": line 460.

- MOT: давай я унесу.
- MOT: давай.
- CHI: я буду спать.
- %mor: PRO|я&-SG:NOM (1)V|быть&IMPF:INTRANS-FUT:1S (2)V|спать&IMPF:INTRANS-INF
- MOT: ты будешь спать с ней?
- MOT: да?

Фрагмент содержит высказывание ребенка (*CHI) с двумя глагольными формами (V) в окружении контекста — левого (двух верхних реплик) и правого (двух нижних реплик), необходимого для надежной интерпретации раннего диалога [34]. Реплики контекстуального окружения анализируемого высказывания, принадлежащих здесь маме мальчика (MOT), при подсчете не учитывались.

Далее глагольные высказывания систематизировались вручную. Во-первых, определялась лично-числовая семантика (1-е, 2-е, 3-е лицо ед. или мн. ч.) средств выражения субъекта (ЛМ/0.ЛМ, имя). Так, репертуар рассматриваемых конструкций включает:

- ЛМ в им. п. (личноместоименный субъект) + финитный глагол: *Я вот сяду в болид* (2;6), *Как ты думаешь, почему она плачет?* (инпут, 2;10), *Я сейчас почти проверю* (НКРЯ), *Я поставлю / а ты посмотришь* (НКРЯ), *Я хочу лето* (НКРЯ);
- имя сущ. в им. п. (именной субъект) + финитный глагол: *Машина трясется* (2;3), *Ой, смотрите-ка, едет автобус. Куда едет автобус, Кирилл?* (инпут, 2;4), *М... просто мама про него забыла* (НКРЯ), *И блондинка может быть нормальной* (НКРЯ);
- 0.ЛМ (нулевой субъект) + личный глагол: <Взрослый (В.): *Зачем ты его раздавил?*> Ребенок (Р.): *Делаю страшно* (2;4), *Ну что, что сейчас будем делать? ... Переоденемся?* (инпут, 2;4), *Посмотреть хочешь, <что получилось>?* (инпут, 2;8), *Имидж не буду себе вредить* (НКРЯ), *Тот же объяснить не могу / но как-то чувствую / так сказать* (НКРЯ).

Во-вторых, в высказываниях с эксплицитной модальностью выявлялась ее семантика и способ репрезентации. В числе модальных сфер, нашедших выражение в речи ребенка в период наблюдения, оказались следующие:

- возможность: *Он может плыть глубоко* (2;8), *Мама, они умеют только ходить* (2;9);
- волеизъявление: *Нет, не хочу спать* (2;9);
- долженствование: *Там должен я достать продукты* (3;0)⁸;
- оценка субъективно-эмоциональная: *Она любит нас* (2;9);
- оценка степени обычности действия: *Да, так бывает* (2;9);
- уверенность/неуверенность в достоверности сообщаемого: <В.: *Кирилл, хочешь, прочитаем еще книжку?*> Р.: *Да, конечно, очень большой журнал вот тут* (2;5), *Их забрал, наверное, монстр* (3;0).

В ряде высказываний с модальной семантикой, выраженной предикатами типа *надо*, *нужно*, *можно*, *хочется*, *нравится* (наличие которых в каждой сессии записи проверялось дополнительной командой *combo*), формой субъекта (при его наличии) становится косвенный падеж: *Мне надо руль*, <да, я буду ездить Ламборгини> (2;6), *Мне надо купить гитару маленькую* (2;7), ср.: <Лошадка, там фургон приехал,> *его надо встречать* (2;11), *Видишь, ее надо смыть* (3;0). Выраженный таким образом субъект принадлежит к периферии ФСП субъектности [1, с. 69, 2, с. 165].

В отечественной грамматической традиции первые пять значений (возможность, волеизъявление, долженствование, субъективно-эмоциональная оценка и оценка степени обычности

⁸ Как и глаголы в форме прошедшего времени (заметим, обычно более поздние и менее употребительные), долженствование предполагает согласование субъекта и предиката по роду.

действия) принадлежат сфере предикатной модальности (в другой терминологии, модальности предиката, внутрисинтаксической модальности), тогда как последняя (в другой терминологии, достоверность / недостоверность, персуазивность, внешнесинтаксическая модальность) — субъективной модальности. В целом результат категоризации модальных сфер представляет собой трехчастную структуру: объективная — предикатная — субъективная модальность [35] (ср. [2, с. 238])⁹. В зарубежных исследованиях данная категоризация соотносится со сферами динамической, деонтической и эпистемической модальности [20, 36]. Эпистемические маркеры выражают модусную семантику и в языках с неграмматикализованной эвиденциальностью, к числу которых принадлежит русский, способны указывать на говорящего как на источник информации или знания. Такую же функцию, думается, выполняют я-высказывания с модальными предикатами [2, с. 242]. Более поздним выражением эвиденциальности становятся нередуцированные модусные рамки с ментальными: *Я знаю, мы просто... сюда приехали, я знаю* (2;10) — и речевыми глаголами: *И тогда злодей говорит / ну ладно, я не буду тебя съедать* (2;10), *И мальчик сказал / ну вот, они уезжают на джундуне* (о BMW. — В. К.) (2;10).

Помимо структурно-семантического и корпусного методов, в исследовании использовались лонгитюдное наблюдение, принятое при анализе процессов раннего речевого онтогенеза [5], а также методы количественного анализа и статистической обработки (StatTech v. 4.8.11). В числе последних применялся хи-квадрат тест (χ^2), позволяющий сопоставлять величины, полученные на языковом материале различного объема, а также индекс корреляции Пирсона (r), определяющий силу связи (в нашем случае — между частотой тех или иных языковых средств) и ее направление. При сравнении всех корпусов категориальные данные описывались с указанием абсолютных значений и процентных долей.

Результаты и обсуждение

Особенности развития коммуникативной компетенции информанта. Являясь типично развивающимся, но несколько задерживающимся по началу говорения ребенком, Кирилл превосходит других детей из Фонда данных по нескольким параметрам [11, 12, 14]. Назовем релевантные для проводимого исследования. В первую очередь, это синтаксическое развитие. Рис. 1 показывает, что средняя длина его высказываний (*mean length of utterances*) увеличивается интенсивнее по сравнению с этим индексом в речи других мальчиков, один из которых (Филипп) считается раннеговорящим [7, 8]. Говоря о себе, наш информант уверенно начинает с ЛМ 1-го лица: *Нет, я не умею* (2;4) — и не использует при ранней самореференции личное имя (то есть 3-е синтаксическое лицо), также возможное в речи детей: *Уезжает Ваня* (2;3; ФДДР), *Филиппа на, потрогай* (2;0; ФДДР), в том числе осваивающих другие языки [5, 6]. Кирилл раньше (в частности, другого «запаздывающего» с началом говорения мальчика, Вани) использует ЛМ в субъектной позиции (им. п., традиционное подлежащее) глагольных высказываний. Неспорядочный пропуск ЛМ в его речи происходит после грамматически корректной координации «ЛМ+личный глагол». Он лидирует в использовании редкого в речевой продукции маленьких детей местоимения 2-го лица *ты*, что мы напрямую связываем с высоким уровнем развития его собственно коммуникативной — диалогической — компетенции¹⁰. Еще одним отличием является индекс эпистемической плотности высказываний, который превышает аналогичные показатели в других корпусах Фонда (причем не только в детской речи, но и в инпуте) [21].

Таким образом, особенностью речевого портрета информанта (и диады в целом) является заметная доля личностоместименной и модальной продукции. Это позволяет охарактеризовать Кирилла как более «местоименного» и «модального» ребенка по сравнению с другими детьми, в том числе поздноговорящими.

⁹ Ирреальные конструкции с глагольными формами повелительного и сослагательного наклонений (*Дай мне уйти* (2;7), В.: *Ты думаешь, если бы он ездил по дивану, у него бы не отвалились?* Р.: *Да, думаю* (3;0)), относимые обычно к сфере объективной модальности, в работе не рассматриваются.

¹⁰ Становление компонентов коммуникативной компетенции на материале русского языка представлено, в частности, в [34].

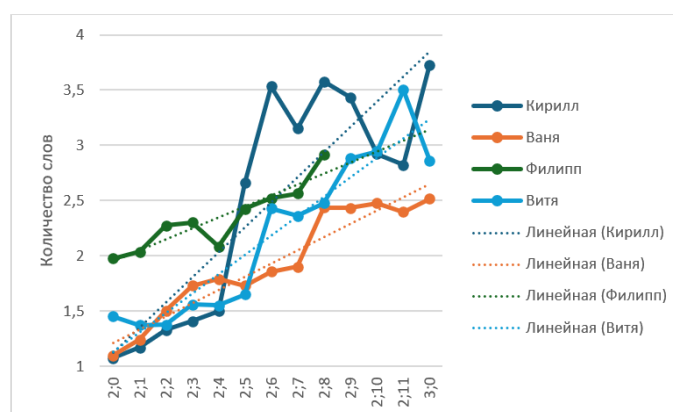

Рис. 1. Средняя длина высказывания (в словах)

Fig. 1. Mean length of utterance (in words)

Модальные и субъектные характеристики детской речи на фоне данных речи взрослых носителей языка. Внутри- и межкорпусный анализ речевой продукции ребенка, предпринятый для сопоставления с родительским инпутом и с узуальной речью взрослых, показал сходства и различия подкорпусов в отношении субъектных и модальных предпочтений говорящих. Во-первых, детская речь по количеству модальных реплик (составивших 8% всех глагольных) оказалась сопоставимой с узуальной речью взрослых (5%)¹¹, но не с получаемым инпутом (15%). Модальная маркированность инпута значительно превышала соответствующие показатели других подкорпусов. Во-вторых, анализ частоты употребления средств выражения субъекта (ЛМ/0.ЛМ, имя) в модальных высказываниях выявил значительное доминирование в каждом подкорпусе местоименных субъектов (ЛМ и 0.ЛМ) (рис. 2). Высказывания с именными субъектами составили 6% в речи ребенка, 7% в его инпуте и 6,5% в узуальной речи взрослых и были сопоставимы. Такое же сходство подкорпусы обнаружили в частоте использования личноместоименных и нулевых субъектов. Количество высказываний с личноместоименными субъектами в речи ребенка, его инпуте и узуальной речи взрослых было сопоставимо, как и количество высказываний с нулевыми субъектами. Таким образом, иерархия количественных характеристик средств выражения субъекта в подкорпусах может быть представлена как последовательность вида «ЛМ>0.ЛМ>имя» с сопоставимостью ее составляющих.

Между тем внутрикорпусный анализ соотношения субъектных долей (в первую очередь, местоименных субъектов — ЛМ и 0.ЛМ), проведенный в рамках каждого подкорпуса, выявил не только сходные, но и различные тенденции говорящих при выборе средств выражения субъектной семантики (рис. 3). Так, речь участников диады «взрослый — ребенок» оказалась сопоставима по частоте употребления личноместоименных и нулевых субъектов (помимо отмеченного выше сходства в использовании именных). Напротив, в узуальной речи взрослых личноместоименные субъекты значительно преобладали над нулевыми (и, как упоминалось, именными). Следовательно, в отличие от детскоречного дискурса, в разговорной речи ЛМ достоверно чаще употреблялись, чем опускались. Тем самым общая картина частоты выражения субъекта в модальных высказываниях в диалоге с ребенком несколько отличается от аналогичной в общении взрослых носителей языка: «ЛМ=0.ЛМ>имя vs ЛМ>0.ЛМ>имя». Различия обусловлены низкой долей продропа в узуальной речи.

В-третьих, межкорпусное сопоставление результатов, полученных на модальной выборке, с субъектными предпочтениями говорящих, выявленными на более широком фоне, то есть в

¹¹ Здесь и далее вывод о сопоставимости величин делается при отсутствии статистически значимых различий, то есть при $p > .05$, вывод о значительных различиях — при $p < .01$. В остальных случаях значение p приводится.

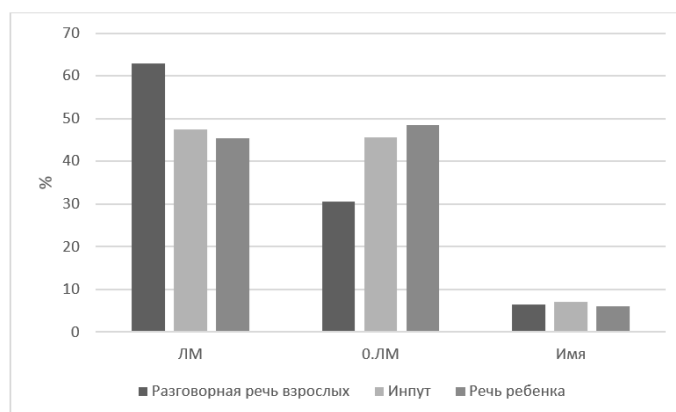

Рис. 2. Средства выражения субъекта в модальных высказываниях
(% модальных высказываний соответствующего подкорпуса)

Fig. 2. Means of expressing the subject in modal utterances (% of modal utterances of the corresponding subcorpus)

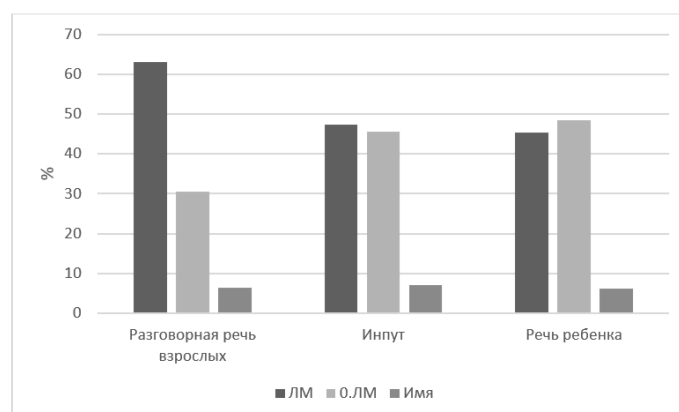

Рис. 3. Субъект модальных высказываний в каждом подкорпусе
(% модальных высказываний соответствующего подкорпуса)

Fig. 3. Subject of modal utterances in each subcorpus (% of modal utterances of the corresponding subcorpus)

глагольных высказываниях в целом (рис. 4), также свидетельствует о значительно меньшем использовании именных субъектов во всех типах устного дискурса по сравнению с местоименными. В диаде «взрослый – ребенок» высказывания с именными субъектами были сопоставимы и значительно превышали их количество в узуальной речи взрослых. Доля высказываний с ЛМ в речи ребенка занимает две трети глагольных реплик. В инпуте она равна почти половине глагольной выборки, а в узуальной речи взрослых превышает ее. По использованию личное-стоименных субъектов речь ребенка ближе к узуальной речи взрослых ($p > .05$), чем к инпуту ($p < .01$), в отличие от упомянутых выше именных субъектов, по употреблению которых эти подкорпусы сопоставимы. Доля нулевого субъекта в детской речи значительно ниже, чем в обоих «взрослых» регистрах.

Внутри(под)корпусное распределение субъектных долей обнаружило значительное сходство говорящих в частоте употребления ЛМ (по сравнению с другими средствами выражения субъекта) и расхождение при их опускании или использовании имен (рис. 5). В речи ребенка имя используется значительно чаще, чем опускается ЛМ, тогда как в инпуте и узуальной речи взрослых именные и нулевые субъекты сопоставимы. В целом количественные характеристики

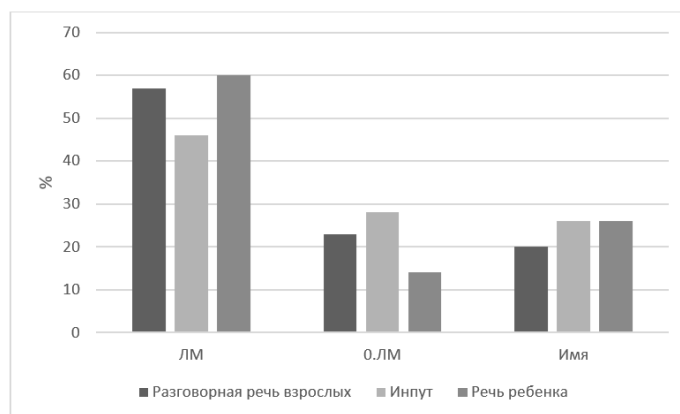

Рис. 4. Средства выражения субъекта в глагольных высказываниях
(% глагольных высказываний соответствующего подкорпуса)

Fig. 4. Means of expressing the subject in verb utterances (% of verb utterances of the corresponding subcorpus)

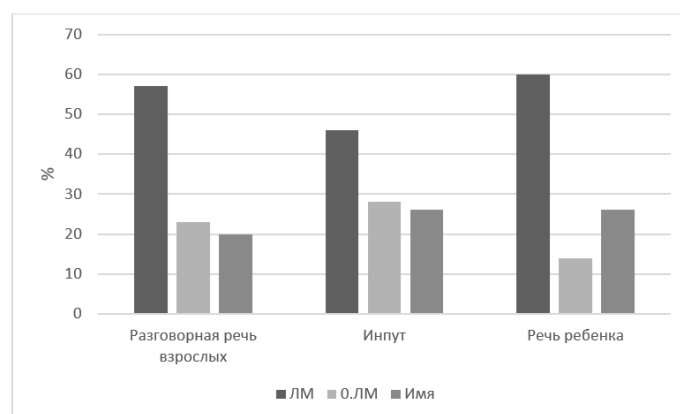

Рис. 5. Субъект глагольных высказываний в каждом подкорпусе
(% глагольных высказываний соответствующего подкорпуса)

Fig. 5. Subject of verb utterances in each subcorpus (% of verb utterances of the corresponding subcorpus)

средств выражения субъекта в подкорпусах выглядят как противопоставление «ЛМ>имя>0.ЛМ (детская речь) vs ЛМ>0.ЛМ=имя (речь взрослых)».

Сравнивая распределение средств выражения субъекта в глагольных и модальных высказываниях ребенка, можно заключить, что отличие состоит в соотношении местоименных субъектов. Так, в глагольных высказываниях личноместоименные субъекты преобладают над нулевым (ЛМ>имя>0.ЛМ), тогда как в модальных они сопоставимы (ЛМ=0.ЛМ>имя). Что касается речи взрослых, то в глагольных высказываниях обоих регистров доли личноместоименных субъектов одинаково превышают доли нулевых, которые, в свою очередь, равны долям именных (ЛМ>0.ЛМ=имя). Субъектные предпочтения взрослых, нашедшие отражение в модальных высказываниях инпута, отличаются от узуальной речи взрослых в отношении продропа. В первом случае доля нулевых субъектов сопоставима с долей личноместоименных (ЛМ=0.ЛМ>имя), во втором — уступает ей (ЛМ>0.ЛМ>имя).

Подводя итоги количественного анализа средств выражения субъекта в модальных и глагольных высказываниях ребенка на фоне аналогичных данных речи взрослых, обращенной и не обращенной к ребенку, предвещающего обсуждение результатов их качественного ана-

лиза, отметим, что детская речь сопоставима с инпутом по частоте использования ЛМ, 0.ЛМ и имени в субъектной позиции модальных высказываний, а также по частоте употребления имени в глагольных высказываниях, то есть по большинству сравниваемых параметров. По частоте использования ЛМ в глагольных репликах речь ребенка ближе к узуальной речи взрослых, чем к получаемому инпуту, и существенно отличается от речи взрослых в обоих регистрах по опусканию ЛМ.

Деонтическая и эпистемическая модальность в ранней детской речи

Частота, дистрибутивные особенности и возраст появления модального маркирования. Высказывания с глаголами составляют почти четверть всех реплик ребенка и заключают в себе около половины имеющихся в его речи глагольных форм. 23% предикативных частей (в другой терминологии — предикаций, *clauses*), содержащихся в рассматриваемых высказываниях, модально маркированы. Из них 80% приходится на выражение деонтической¹² модальности и 20% — на выражение эпистемической. Коррелятивные связи между частотой выражения деонтической и эпистемической семантики в период наблюдения наличествуют на уровне тенденции ($p < .05$), тогда как в остальных случаях степень достоверности высокая. Так, количество модальных маркеров каждого из семантических полей соотносится с количеством модальных предикаций: для деонтической модальности коэффициент корреляции (r) составляет 0.993 ($p < .001$); для эпистемической — 0.808 ($p < .01$). Модально маркированные предикации коррелируют с общим количеством предикативных частей и тем самым с синтаксическим развитием ($p < .001$). Последнее, в свою очередь, соотносится с общей частотой глагольных высказываний ($p < .001$).

Дистрибутивный анализ частоты выражения модальной семантики указывает на ее возрастание к концу наблюдений в каждой из сфер, но значительно интенсивнее это происходит в деонтической сфере (рис. 6). Более ранним оказывается и возраст появления высказываний с деонтической семантикой в речи ребенка. Начало их употребления на месяц опережает использование эпистемических маркеров. Так, в 2;3 зафиксировано первое высказывание с семантикой долженствования: *Карандаш надо открыть*, в 2;4 — с семантикой неуверенности: *Может, другое?* В 2;9 происходит одновременное повышение частоты и тех и других — так наз. пик, или взрыв (*spurt*). Доля реплик с деонтической модальностью достигает 13%, с эпистемической — 5%. После чего модальное маркирование становится более частым: на период с 2;9 до 3;0 приходится свыше двух третей всех модальных предикаций.

Сфера деонтической модальности. Анализ частоты выражения той или иной семантики, принадлежащей деонтической модальности, и сопоставимости соответствующих величин указывает на доминирование долженствования (44%). За ним следуют волеизъявление (29,5%) и возможность (21%), доли которых сопоставимы, однако достоверно ниже доли долженствования, хотя и в разной степени ($p < .05$ и $p < .01$ соответственно). Высказывания с семантикой оценки — субъективно-эмоциональной (4,1%) и степени обычности действия (0,8%) — сопоставимы и используются значительно реже по отношению к другим модальным сферам.

Характер распределения деонтически маркированных предикаций в период наблюдений указывает на положительную динамику в их развитии. Частота выражения всех модальных значений увеличивается к 3-м годам, долженствования и волеизъявления — интенсивнее других (рис. 7). Долженствование лидирует и по времени появления в речи, см. пример выше (2;3). Месяцем позже маркируется возможность (точнее, неумение): *Нет, я не умею* (2;4). За ней следует выражение субъективно-эмоциональной оценки: *Сок апельсиновый... мне не нравится* (2;5) и волеизъявления: *Да, я хочу... настоящий болид* (2;6). Рассмотрим средства выражения наиболее употребительных в это время модальных значений — долженствования, волеизъявления и возможности.

¹² Здесь и далее понятие используется в широком смысле, поскольку включает отдельные значения, относимые иногда к сфере динамической модальности.

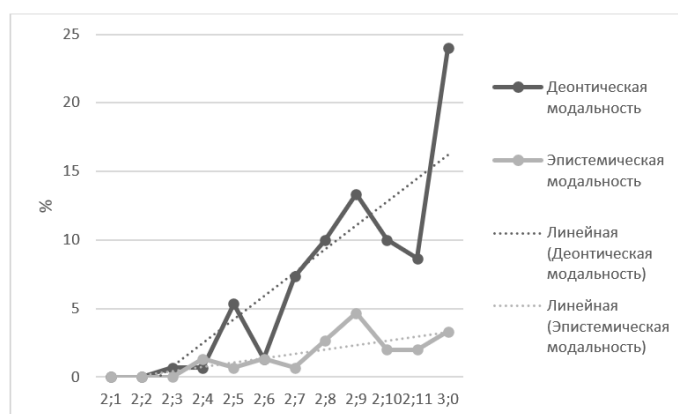

Рис. 6. Распределение модально маркированных предикаций в период наблюдения
(% модально маркированных предикаций)

Fig. 6. Distribution of modally marked predications during the observation period (% of modally marked predications)

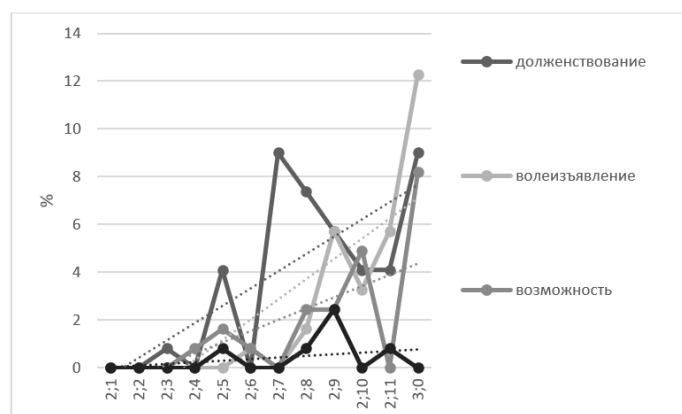

Рис. 7. Распределение частоты выражения деонтической семантики
(% предикаций с деонтической модальностью)

Fig. 7. Distribution of the frequency of expression of deontic semantics (% of predications with deontic modality)

Репертуар ранних средств выражения долженствования почти до конца третьего года жизни (2;9) представлен единственной лексемой — надо, на которую приходится 81% всех случаев экспликации этой семантики. Дательный (личноместоименного) субъекта «размораживается» (*frozen forms*) при ней в 2;5 и обозначает последовательно 1-е лицо ед. ч. (мне): *Мне надо руль*, <да, я буду ездить Ламборгини> (2;5), — 3-е лицо ед. ч. (ему): *Ему надо упасть* (2;7) — и 1-е лицо мн. ч. (нам): *Надо нам ее найти* (3;0). В 2;9 появляется второй предикат — *должен*, причем сразу демонстрируя числовую оппозицию: *Я должен тебе помогать, Они должны еще запить*. В 2;10 усвоенное *надо* помещается в отрицательный контекст: *А олень говорит / не надо, не надо, не надо*. Однако по сравнению с близким, но более поздним *нужно* этот вектор имеет противоположное направление, и первой фиксацией является отрицательное использование: *Да, не нужно это делать* (2;11), ср.: *Ему нужно* (3;0). Кроме *нужно*, в 3;0 отмечены *придется*: *Придется смыть, Нам надо отсюда / лексус застрял / придется его / надо убираться отсюда* (3;0) — и *не нужны*. Последний предикат употребляется в координации с личноместоименным субъектом в форме им. п.: <*Я складываю их туда,*> пока они мне не нужны. Таким образом, для выражения долженствования ребенок использует 4 предиката: *надо* — *не надо*, *не нужно* — *нужно*, *должен*, *придется*. Формой выражения субъекта выступают ЛМ в дательном или им.

(реже, только при *должен* и *нужен*) падеже. Во всех случаях экспликация косвенного субъекта происходит после начала функционирования соответствующего предиката с его нулем. И напротив: в высказываниях с ЛМ в субъектной позиции (им. п.) его пропуск (0.ЛМ) случается позже координации.

Семантика волеизъявления в речи ребенка до 2;11 выражается глаголом *хотеть* (86% высказываний), включая его отрицательные употребления: *Нет, не хочу спать* (2;9), *Не хочешь спросить?* (2;8). В 2;11 появляются *хотеться* и *пытаться*: *Ну, им очень хочется порисовать, Он пытается приземлиться*. В 3;0 зафиксирован *стараться*: *Стараюсь и так*. Более чем в двух третях употреблений личностоименный субъект опущен. По сравнению с долженствованием сфера личной семантики местоимений расширена за счет обращения ко 2-му лицу: *Лошадка, хочешь немного порисовать?* (2;11). Помимо личностоименного субъекта, зафиксирован именной: *Бабочка хочет ... любит* (2;9). Как и при выражении долженствования, личностоименные субъекты предшествуют нулевым (0.ЛМ).

Семантика возможности представлена *можно* (44%), *(не) мочь* (26%), *(не) уметь* (17%). Кроме того, со значением невозможности используется *никак (не)* (13%). Порядок появления средств выражения возможности, в число которых входят не только глагольные формы (как при волеизъявлении, представленном в абсолютном большинстве случаев глаголами), не всегда соотносится с их частотой. Менее употребительные средства открывают и завершают начальный репертуар выражения возможности. Самым ранним является *уметь* (2;4) с отрицанием (см. пример выше), самым поздним — *никак (не)*: *Мне никак не одеть шлем* (2;6). Частые *мочь* (при первой фиксации в координации с личностоименным субъектом 3-го лица ед. ч.): *<Это шарик,> он может лопнуть* (2;5) — и *можно*: *Лопату, можно носить лопату* (2;5) — занимают в этом ряду серединную позицию. Период появления всех средств выражения возможности в речи ребенка заметно короче, чем при долженствовании и волеизъявлении: он составляет 3 месяца. Именной субъект так же редок (9%), как и в первых двух случаях: *<Это мальчик маленький, он даже не умеет рисовать,> а водитель умеет рисовать* (3;0). В 35% высказываний субъект выступает в форме им. п.: *Мама, они умеют только ходить* (2;9), в 9% — в форме дательного. Личная семантика субъектного компонента развивается, как и при долженствовании, от 1-го лица к 3-му. Опущение ЛМ происходит после его координации с предикатом: *А я говорю / ой, не могу 0.на это смотреть* (2;10). Употребление в отрицательном контексте отмечено для *уметь* и *мочь*. В обоих случаях начальным является отрицание, но в первом случае за ним следует утвердительный контекст, тогда как во втором — таковой в период наблюдения не зафиксирован.

Таким образом, начальный репертуар трех наиболее часто используемых средств выражения деонтической модальности не превышает 4 маркеров (глагольных и — шире — предикатных). Отмеченные грамматические и семантические оппозиции указывают на продуктивное использование модальных предикатов, как и заполнение субъектной позиции ЛМ с различной лично-числовой семантикой. Выражение семантики долженствования и волеизъявления до определенного момента ограничивается одним — прототипическим (ядерным) для каждой сферы [35] — маркером, после чего происходит расширение средств выражения. При экспликации возможности этот процесс протекает вдвое активнее. Сходным для всех модальных полей является предшествование координации личностоименного субъекта с предикатом («ЛМ+предикат») опущению ЛМ (0.ЛМ), а также вектор экспликации субъектной семантики, который направлен от 1-го лица к 3-му в высказываниях с личностоименным субъектом в им. п. Эта тенденция соотносится с развитием личных значений в немодальных глагольных репликах¹³. Различным оказывается порядок появления высказываний с субъектом в им. п. и с субъектом в дательном п.: при выражении долженствования первыми употребляются реплики с косвенным

¹³ См. подробнее: Казаковская В.В. Речь взрослого и усвоение ребенком персональности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. № 5 (в печати).

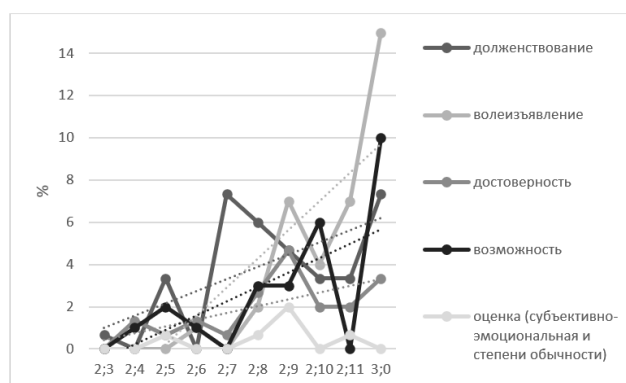

Рис. 8. Распределение частоты выражения модальной семантики (% модально маркированных предикаций)

Fig. 8. Distribution of the frequency of expression of modal semantics (% of modally marked predications)

субъектом, тогда как при волеизъявлении и возможности — с прямым. При экспликации волеизъявления расширена сфера личной семантики (зоной 2-го лица), а кроме того, при выражении волеизъявления и возможности впервые используется именной субъект.

Сфера эпистемической модальности. По частоте экспликации семантика достоверности (19%) уступает, наряду с сопоставимыми волеизъявлением (24%) и возможностью (17%), долженствованию (36%). В речи ребенка эпистемическое маркирование появляется одновременно с выражением возможности (2;4), однако развивается менее интенсивно (рис. 8). В сфере эпистемической семантики наблюдается приоритет за маркированием неуверенности в достоверности (предположительности, недостоверности). Это находит выражение в большей доле соответствующих маркеров (90% vs 10%), их разнообразии (6 vs 3), опережающем появлении (2;4 vs 2;5) и интенсивном употреблении (рис. 9).

Маркирование неуверенности начинается с *может*: *Может, другое?* (2;4). Двумя месяцами позже появляются *кажется* и *наверно*: *Даже, кажется, и штаны* (2;6), *Наверно, ему не больно* (2;6). С промежутком в месяц употребляются *похоже*, *видимо* и *по-моему*: *Едет машина, похоже* (2;7), *Видимо, потом в эту* (2;8), *Тут, по-моему, Митсубиси, по-моему* (2;9). Наиболее часто употреблялись *кажется* (38%), *наверное* (23%) и *может* (19%). Для выражения уверенности используются *конечно* (1 употребление в 2;5), *на самом деле* и *правда* (по 1 употреблению в 2;9): *Да, конечно, очень большой журнал вот тут*, *Он так, на самом деле, бежит* (2;9), *Правда, это, не... мне кажется, это не очень это красивая бумага, она женская*.

В реальном режиме интерпретации языка, к которому относится естественный диалог, субъектом эпистемического маркирования является говорящий, то есть 1-е лицо. Присутствие соответствующих маркеров в высказывании указывает на него как на источник сообщаемой информации и демонстрирует тем самым раннюю эвиденциальность. Эпистемические маркеры не принадлежат предикативной структуре, однако эгоцентрическая природа «уравнивает» их с ЛМ 1-го лица, облигаторным компонентом координации «субъект — предикат» [11].

Таким образом, средства выражения эпистемической модальности представлены разнообразнее, чем в любой (отдельно взятой) сфере модальности деонтической (9 к 4), но кумулятивно эпистемический репертуар уступает деонтическому (9 к 15). Отмеченная выше корреляционная связь между частотой использования средств деонтической и эпистемической модальности свидетельствует о наличии зависимости между ними: развитие одной потенцирует другую. Однако внутри эпистемической сферы — между маркерами уверенности и неуверенности в достоверности — такая связь не выявлена. В возрасте 2;9 происходит усиление частоты эпистемического маркирования, которое совпадает с аналогичным пиком в деонтической

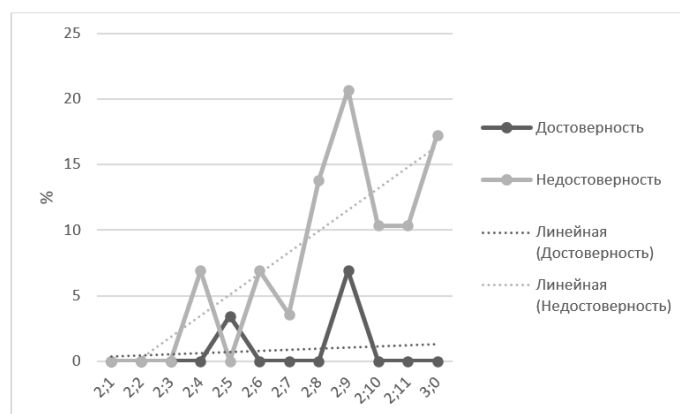

Рис. 9. Распределение частоты эпистемических маркеров (% эпистемически маркированных предикаций)

Fig. 9. Frequency distribution of epistemic markers (% of epistemically marked predications)

сфере (рис. 6). В целом становление модальной семантики и средств ее выражения происходит в течение полугода (с 2;3 до 2;9), при этом их абсолютное большинство (99%) появляется в первые четыре месяца.

Субъект модальных и немодальных высказываний. Дополняя результаты, полученные при анализе семантики и средств выражения субъекта в сфере деонтической модальности, отметим, что предикации, субъект которых представлен ЛМ/0.ЛМ или именем в им. п.: *Мама, они нас любят?* (2;8), *Хочу рисовать, вот этим карандашом рисовать* (3;0), *<...> водитель умеет рисовать* (3;0), уступают по количеству косвенным формам его выражения: *Мне надо купить гитару маленькую* (2;7), *Надо нам ее найти* (3;0), то есть так наз. безличным употреблением (47% к 53%, $p < .05$). При этом важно, что личные и безличные предикации обнаруживают коррелятивную связь ($p < .01$), хотя и не имеют одновременных пиков частоты в лонгитуде. Доли тех и других увеличиваются к концу наблюдения (рис. 10), и, судя по линиям тренда и пикам в конце наблюдений (в возрасте 2;9 и 3;0), предикации с субъектом в им. п. способны вскоре занять лидирующую позицию. Можно также предположить, что триггером для первого пика частоты личных предикаций (в 2;9) служит стабильно высокое количество безличных, зафиксированное в 2;7–2;8.

Интенсивность заполнения субъектной позиции тем или иным способом довольно высокая. Лонгитюдный анализ показывает, что первыми в координацию с предикатами вступают

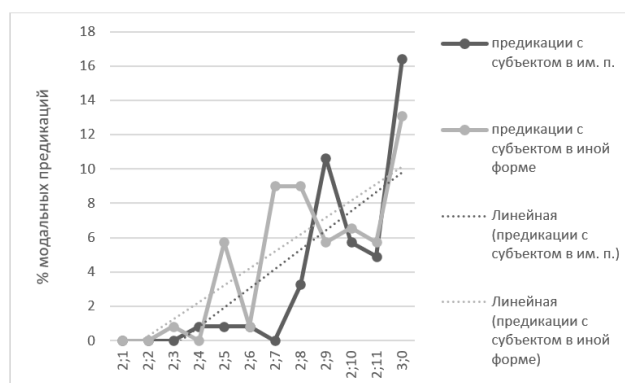

Рис. 10. Распределение предикаций с различными формами выражения субъекта (% модальных предикаций)

Fig. 10. Distribution of predications with different forms of subject expression (% of modal predications)

имена (и, соответственно, так наз. 3-е синтаксическое лицо). Этот результат непротиворечиво соотносится с их более ранним появлением в речи ребенка в сравнении с ЛМ, которые также не являются первыми в очередности усвоения местоименных разрядов. Самые ранние субъектно-предикатные структуры не имеют грамматически оформленного согласования (ввиду «замороженности» глагольных форм) и представляют собой, скорее, соположение имени и предиката: *Дед идти* (2;2). Однако месяцем позже развивающаяся финитность свидетельствует об их координации на грамматическом уровне: *Машина трясется* (2;3).

В ближайшие месяцы разворачивается и темпоральный план высказывания. Так, в 2;5 зафиксировано имя в координации с глаголом в форме прошедшего времени: *Чайка куда-то делась*, в 2;6 — с глаголом в форме будущего: *Папа купит*. Использование имен в субъектной позиции (им. п.) модальных высказываний происходит позже, в 2;9: *Бабочка хочет... любит*. Модальной семантикой, впервые выражаемой в высказывании с именным субъектом, становится волитивность. В целом процесс координации именных субъектов с немодальными и модальными предикатами охватывает немногим более полугода. До окончания наблюдений не зафиксировано случаев занятия именами позиции косвенного субъекта в модальных высказываниях, не предполагающих прямой субъект, а также случаев использования форм мн. ч. (за исключением единственной — с немодальным глаголом в прошедшем: *У меня снялись ботинки* (2;6)) и координации с модальными глаголами в прошедшем. Темпоральные характеристики высказываний «имя+немодальный глагол» развиваются от настоящего к прошедшему и будущему.

Предвестником личноместоименных субъектов оказывается их нуль (0.ЛМ). Он появляется в ответной реплике и соответствует неполноте, «показанной» естественному диалогу: <В.: *А куда?*> Р.: *Не знаю* (2;3). Повторить ЛМ означает в каком-то смысле нарушить один из постулатов канонического диалога и обречь его тем самым на избыточность. Первые употребления нулевого субъекта отмечены при немодальных предикатах, выражающих семантику 1-го лица ед. ч. (2;3, пример см. выше), за которым следуют формы мн. ч. и 2-го лица ед. ч.: <В.: *В магазин надо ехать за новой машиной и белым шлемом?*> Р.: *Едем* (2;4), *Что там фотографируешь?* (2;4). Нулевые субъекты 3-го лица появляются позже: в форме ед. ч. — в 2;5: *Не падает*, в форме мн. ч. — в 2;8: *Меня снимают* (на видео. — В. К.)¹⁴, в одно время с использованием нуля при модальном предикате 1-го лица ед. ч.: *Хочу еще видео* (2;8). Наиболее поздними модальными употреблениями 0.ЛМ оказываются контексты с 2-м лицом обоих чисел: *Не хочешь спросить?* (2;8), *Хотите покататься, а?* (2;10). Вектор развития личной семантики в немодальных высказываниях с нулевым субъектом направлен от 1-го лица к 2-му и 3-му, в модальных — от 1-го к 3-му и 2-му. В рамках немодальных высказываний ед. ч. предшествует мн. ч. В модальных такая последовательность не может быть установлена, поскольку формы мн. ч. для 1-го и 3-го лица не встретились.

Иное положение дел наблюдается с координацией личноместоименных субъектов. Как отмечалось выше, впервые ЛМ занимает субъектную позицию в модальной реплике, выражающей семантику возможности: *Нет, я не умею* (2;4). Симптоматично, что «в унисон» с ним употребляется и первый эпистемический маркер, передающий неуверенность в достоверности: *Может, другое?* (2;4). В следующий месяц ЛМ 1-го лица ед. ч., наряду с 3-м лицом ед. ч., начинают употребляться в координации с немодальными личными глаголами: *Сейчас я сам лезу* (2;5), *Он плачет* (2;5). В 2;10 в этом же окружении отмечено 2-е ед. ч.: *Ты видишь, это как лыжи?* Формы мн. числа появляются после ед.: в 2;7 употребляется 1-е лицо: *Мы играем xxx гитаре чуть-чуть поменьше*, в 2;9 — 3-е: *Они ездят особенно под землей*.

Последовательность появления ЛМ с различной семантикой лица в высказываниях с немодальными глаголами в форме прошедшего времени совпадает с порядком, выявленным для

¹⁴ В 2;3 отмечено единичное употребление 0.ЛМ при «замороженной» глагольной форме.

высказываний с личными глаголами. Так, первыми появляются ЛМ 1-го и 3-го лица ед. ч.: *Я забыл* (2;5), *Видишь, она приехала?* (2;5). В 2;9 начинают употребляться 2-е лицо ед. ч. и 3-е лицо мн. ч.: *Правильно «один ноль» ты прочитала, Они ехали, ехали назад и направо*. Позже всех зафиксировано 1-е лицо мн. ч.: *Мы это читали, да?* (2;10).

Использование ЛМ других лиц и чисел в субъектной позиции высказываний с модальными предикатами происходит позже 1-го лица ед. ч.: в 2;5 отмечено 3-лицо ед. ч.: *<Это шарик,> он может лопнуть*, в 2;9 — мн. ч.: *Мама, они умеют только ходить*. Завершает употребления с модальным предикатом ЛМ 2-го лица ед. ч.: *А ты хочешь поехать с нами, а?* (2;10). Как и в рассмотренных выше сериях реплик, высказывания с личностноименным субъектом в координации с модальным глаголом в прошедшем времени не встретились. Отнесенность высказываний к плану прошедшего происходит позже либо одновременно с указанием на настоящее время и опережает обозначение плана будущего.

В модальных высказываниях, допускающих иные формы выражения субъекта (в первую очередь, дательный субъекта), субъект изначально представлен нулем: *Карандаш надо открыть* (2;4), *Да, надо еще сок* (2;5). В этом проявляется сходство с усвоением личностноименных субъектов в форме им. п. Однако очень быстро появляются эксплицитные варианты дательного субъекта, используя которые ребенок говорит о себе (*мне*): *Надо мне идти* (2;5), третьем лице — игровом персонаже (*ему*): *Ему надо туда упасть* (2;7), о себе и партнере по игре — взрослом (*нам*): *Садись, нам быстро надо нам догонять, ну, кое-что* (2;10) — и не участвующих в диалоге третьих лицах (*им*): *Ну, им очень хочется порисовать* (2;11). Тем самым лично-числовая динамика косвенных субъектов развивается от 1-го лица к 3-му и от ед. ч. к мн. ч.: 1 лицо ед. ч. → 3 лицо ед. ч. → 1 лицо мн. ч. → 3 лицо мн. ч. Такая последовательность коррелирует с развитием личных значений субъектов в форме им. п., за исключением отсутствующего здесь 2-го лица, нечастого в речи детей и появляющегося последним и в им. п. Впервые косвенные субъекты возникают (и впоследствии чаще всего используются) при предикате долженствования, позднее — при предикатах воликативной и субъективно-оценочной семантики, а также при предикатах с семантикой кажимости, принадлежащей эпистемической сфере: *А мне кажется, какие-то странные* (2;9).

Соотношение возраста появления косвенных и прямых субъектов показывает, что ЛМ 1-го лица ед. ч. в им. п. в координации с финитными немодальными глаголами появляются одновременно с косвенным субъектом в модальных высказываниях (2;5), тогда как ЛМ 3-го лица обоих чисел в им. п. в аналогичных конструкциях (2;5) опережают соответствующие косвенные формы (2;7). Для ЛМ 1-го лица мн. ч. такой параллелизм не прослеживается. Так, прямой субъект в координации с личным немодальным глаголом употребляется раньше (2;7), чем с немодальным глаголом в прошедшем (2;10) и чем косвенный субъект при модальном глаголе (2;10). Заметим, оба типа поздних высказываний появляются одновременно.

Заключительные замечания

В этой статье мы останавливаемся на речевом онтогенезе двух категорий — субъектности (системно пересекающейся с персональностью) и модальности, не обсуждавшихся в (онто)лингвистике в таком аспекте, а вместе с тем важных для становления высказывания. Основной целью было выявление основных тенденций их развития, проливающих свет на формирование межкатегориальных связей в сфере предикативности.

Анализ субъектных и модальных предпочтений говорящих, выполненный на материале репрезентативного лонгитюдного корпуса «взрослый — ребенок» (ФДДР) в сравнении с разговорной речью взрослых носителей языка (НКРЯ), показал, что по количеству модально маркированных реплик речевая продукция ребенка сопоставима с узуальной речью взрослых, тогда как по выбору субъектных средств — с родительским инпутотом. Повышенная (*exaggerated*)

модальная маркированность инпута может интерпретироваться как следствие большей когнитивной сложности модальной квалификации по сравнению с референциальной отнесенностью: оценка некоторого положения дел, заключенная в предикате (или вынесенная в рамку), оказывается сложнее обозначения субъекта. Неудивительно, что успешное усвоение ребенком категории модальности предполагает определенные усилия со стороны взрослого (*input–output relations*).

В модальных высказываниях диады «взрослый — ребенок» доли личностоименного субъекта и его нуля равны, в то время как в узуальной речи взрослых личностоименный субъект чаще используется, чем опускается. Хотя меньшая частота употребления именных субъектов свойственна всем говорящим, в диалоге с ребенком доля имен оказывается выше, что объясняется спецификой раннего общения и необходимостью введения — идентификации и номинации — новых объектов.

Результаты анализа субъектного компонента детских высказываний свидетельствуют о доминировании ЛМ с перволичной семантикой, то есть *я*-высказываний, над другими личными значениями и средствами их выражения. Этот результат непротиворечиво соотносится с данными, упоминаемыми в литературе [7], в том числе полученными на материале других языков [15]. В сфере модальности деонтическая семантика преобладает над эпистемической и ее языковой репертуар развивается активнее. В рамках первой превалирует долженствование, в рамках второй — неуверенность в достоверности сообщаемого. Более ранняя и интенсивная экспликация неуверенности, выявленная в речи Кирилла, отмечена и в речи других информантов из ФДДР [21, 22, 34]. Данная особенность отличает русскоязычных детей от детей, усваивающих иные языки и начинающих с выражения уверенности [31]. Деонтически и эпистемически маркированные высказывания находятся в сильной коррелятивной связи, что может расцениваться как проявление одного из вспомогательных механизмов усвоения языка (*bootstrapping*), с одной стороны, и категориального взаимодействия, с другой. Внешне- и внутрисинтаксическое модальное маркирование происходит одновременно: полученный результат существенно уточняет имеющиеся в настоящее время представления о векторе развития этой категории в речевом онтогенезе [30].

Самые ранние субъектно-предикатные структуры с именным или нулевым личностоименным субъектом не имеют модальной квалификации. При этом спорадические модальные высказывания с личностоименным субъектом опережают его немодальные употребления, отражая тем самым прагматику «детоцентрической» (*child-centered*) ситуации. В использовании прямых и косвенных субъектов выявлены определенные параллели, свидетельствующие о системном и последовательном характере усвоения данного фрагмента грамматики (*piecemeal manner*).

Предполагаем, что к числу факторов, способных влиять на онтогенез обсуждаемых категорий, принадлежат не только грамматические особенности инпута, но и прагматические, в частности механизм тонкой настройки (*fine-tuning*)¹⁵, а также диалогический режим усвоения языка, позволяющий в русском — так наз. слабоподропном (*weak pro-drop languages*) — языке опускать субъект высказывания с сохранением семантики лица. Каждый из факторов нуждается в глубоком анализе, в том числе проведенном с привлечением языкового материала других репрезентативных корпусов. Верификации требуют гипотезы о модальной утрированности инпута (как одной из черт регистра, наряду, например, с наличием слов из «языка нянь» (*baby talk*), обилием диминутивов, вопросов, повторов) и его медиативном положении между узуальной речью взрослых и детской речью.

¹⁵ См. подробнее: Казаковская В.В. Обращенная к ребенку речь взрослого и усвоение личности // Известия ОЛЯ РАН. 2025. № 5 (в печати).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бондарко А.В.** Субъектно-предикатно-объектные ситуации // А.В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. Л.: Наука, 1992. С. 29–71.
2. **Степанов Ю.С.** Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 с.
3. Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. 231 с.
4. **Haspelmath M.** Nonverbal clause constructions // *Language and Linguistics Compass*. 2025. Vol. 19. Article e70007.
5. **Гвоздев А.Н.** Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 470 с.
6. **Лепская Н.И.** Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М.: МГУ, 1997. 151 с.
7. **Доброва Г.Р.** Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 492 с.
8. **Voeikova M.D., Krasnoshchekova S.V.** The use of pronouns as a developmental factor in early Russian language acquisition // *Referential and Relational Discourse Coherence in Adults and Children* / ed. by N. Gagarina, R. Musan (eds.). Boston, Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. Pp. 171–206.
9. **Аврутин С.** Понимание детьми местоимений в свете взаимодействия синтаксиса и дискурса // Проблемы детской речи — 1996. Материалы межвузовской конференции. СПб., 1996. С. 6–7.
10. **Gagarina N.** The hare hugs the rabbit. He is white... Who is white? Anaphoric reference in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*. 2007. Vol. 48. Pp. 133–149.
11. **Казаковская В.В.** От первого лица...: местоименно-глагольные высказывания в русской детской речи // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2024. Т. XX. Ч. 1. С. 98–142. DOI: 10.30842/alp2306573720198142
12. **Казаковская В.В.** Грамматический аспект усвоения личных местоимений // *Русский язык в школе*. 2024. № 6 (86). С. 25–38. DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-25-38
13. **Gordishevsky G., Avrutin S.** Subject and object omissions in child Russian // *Proceedings of IATL 19 (Ben-Gurion University of the Negev, 16–17 June 2003)*. URL: <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/19/GordishevskyAvrutin.pdf> (дата обращения: 28.07.2025).
14. **Казаковская В.В.** Личные местоимения и их пропуск (*pro-drop*) на ранних этапах усвоения языка // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН*. 2024. № 2 (40). С. 133–149. DOI: 10.31912/pvrli-2024.2.8
15. **Gagarina N., Özsoj O., Argus R., Avram L., Hrzica G., Korecky-Kröll K., Kazakovskaya V., Rosenberg M., Stephany U., Stoicescu I., Voeikova M., Dressler W.U.** Acquisition of pronouns in typologically different languages: morphological richness and pro-drop // *16th Congress of the International Association for the Study of Child Language*. Prague, 2024. Book of abstract. P. 218.
16. **Шахнарович А.М., Арама Б.Е.** Интонация и модальность // Шахнарович А.М. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2001. С. 371–464.
17. **Цейтлин С.Н.** Выражение побуждения в детской речи // *Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики* / А.В. Бондарко (отв. ред.). СПб.: Наука, 2008, с. 309–330.
18. **Voeikova M. D., Baida K.A.** Development of directive expressions in Russian adult–child communication // *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective* / ed. by Stephany U., Aksu-Koç A. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 113–158. DOI: 10.1515/9781501504457-004
19. **Овчинникова И.Г., Уланова И.А., Краузе М.** Об оценке детьми двух возрастных групп степени уверенности / неуверенности высказывания // *Проблемы детской речи — 1999: Материалы Всероссийской конференции*. СПб., 1999. С. 132–133.
20. **Krauze M.** Epistemische Modalität. Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. 250 s.
21. **Казаковская В.В.** Языковое и когнитивное в усвоении эпистемической модальности // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 542–575. DOI: 10.30842/alp2306573720198142

22. **Kazakovskaya V.V.** Epistemic modality in Russian child language // *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective* / ed. by Stephany U., Aksu-Koç A. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 421–453. DOI: 10.1515/9781501504457-012
23. **Казаковская В.В., Гаврилова М.В.** «Мое мнение, что...»: субъективное начало в письменном дискурсе школьников // *Русский язык в школе*. 2021. № 82 (6). С. 31–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-31-43.
24. **Kazakovskaya V.** Epistemic modality in the speech of Russian young children and adolescents // *Philologia Estonica Tallinnensis. Languages, orderings and successions*. 2020. Vol. 5. P. 134–166. DOI: 10.22601/PET.2020.05.05
25. **Казаковская В.В., Онипенко Н.К.** Грамматика точки зрения: вводно-модальные слова в речи взрослых и детей // *Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий* / В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова (отв. ред.). М.: Изд. Дом ЯСК, 2020. С. 246–288.
26. **Седов К.Ф.** Структура устного дискурса и становление языковой личности: Грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1998. 112 с.
27. **Арутюнова Н.Д.** Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
28. **Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И.** Модель психического: Структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. 503 с.
29. **Казаковская В.В.** Персональность и язык ToM в раннем речевом онтогенезе // *Вопросы психологии*. 2024. № 4 (70). С. 18–27. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/2024/244/244018.htm> (дата обращения: 28.07.2025).
30. *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective* / ed. by Stephany U., Aksu-Koç A. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. 579 p.
31. **Hickmann M., Bassano D.** Modality and mood in first language acquisition // *The Oxford handbook of modality and mood* / ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 430–447.
32. **MacWhinney B.** The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk. 3rd edition. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. 119 p.
33. **Жукова Н.С., Мاستюкова Е.М., Филичева Т.Б.** Логопедия. Основы теории и практики. М.: Эксмо-детство, 2021. 288 с.
34. **Казаковская В.В.** Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок»: Психолингвистический аспект. М.: URSS, 2019. 464 с.
35. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1990. 264 с.
36. **Nuyts J.** Analysis of the modal meanings // *The Oxford handbook of modality and mood* / ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 31–49.

REFERENCES

- [1] **Bondarko A.V.**, Subyektno-predikatno-obyektnyye situatsii [Subject-predicate-object situations], *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Subyektnost. Obyektnost. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost / neopredelennost* [Theory of functional grammar: Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of the utterance. Definiteness / indefiniteness], ed. by A.V. Bondarko. Nauka, Leningrad, 1992, pp. 29–71.
- [2] **Stepanov Yu.S.**, Imena. Predikaty. Predlozheniya (Semiologicheskaya grammatika) [Names. Predicates. Sentences (Semiological Grammar)]. Nauka, Moscow, 1981.
- [3] *Mezhkategorialnye svyazi v grammatike* [Intercategorical relations in grammar], ed. by A.V. Bondarko. Izd-vo “Dmitriy Bulanin”, St. Petersburg, 1996.
- [4] **Haspelmath M.**, Nonverbal clause constructions, *Language and Linguistics Compass*. 19 (2025). Article e70007. DOI: 10.1111/lnc3.70007
- [5] **Gvozdev A.N.**, *Voprosy izucheniya detskoy rechi* [Issues of studying children’s speech]. APN RSFSR, Moscow, 1961.
- [6] **Lepskaya N.I.**, *Yazyk rebenka (Ontogenez rechevoy kommunikatsii)* [Formation of the grammatical structure of the Russian language in a child]. MGU, Moscow, 1997.

- [7] **Dobrova G.R.**, Ontogenez personalnogo deysisa (lichnyye mestoimeniya i terminy rodstva) [Ontogenesis of personal deixis (personal pronouns and kinship terms)]. RGPU im. A. I. Gertsena, Saint Petersburg, 2003.
- [8] **Voeikova M.D., Krasnoshchekova S.V.**, The use of pronouns as a developmental factor in early Russian language acquisition, Referential and Relational Discourse Coherence in Adults and Children / ed. by N. Gagarina, R. Musan, De Gruyter Mouton, Boston, Berlin, 2020. pp. 171–206.
- [9] **Avrutin S.**, Ponimaniye detmi mestoimennykh v svete vzaimodeystviya sintaksisa i diskursa [Children's understanding of pronouns in light of the interaction of syntax and discourse], Problemy detskoy rechi — 1996 [Problems of children's speech — 1996]. Proc. of the interuniversity conference, Saint Petersburg, 1996, pp. 6–7.
- [10] **Gagarina N.**, The hare hugs the rabbit. He is white... Who is white? Anaphoric reference in Russian, ZAS Papers in Linguistics. 48 (2007) 133–149.
- [11] **Kazakovskaya V.V.**, Ot pervogo litsa...: mestoimennno-glagolnyye vyskazyvaniya v russkoy detskoy rechi [In the first person: pronoun-verb utterances in Russian children's speech], Acta Linguistica Petropolitana. 1 (20) (2024) 98–142. DOI: 10.30842/alp2306573720198142
- [12] **Kazakovskaya V.V.**, Grammaticheskiy aspekt usvoyeniya lichnykh mestoimennykh [The grammatical aspect of personal pronoun acquisition], Russkiy yazyk v shkole [Russian Language at school]. 6 (86) (2024) 25–38. DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-25-38
- [13] **Gordishevsky G., Avrutin S.**, Subject and object omissions in child Russian. Proc. of IATL 19, Ben-Gurion University of the Negev, 2003. Available at: <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/19/GordishevskyAvrutin.p> (accessed 28.07.2025).
- [14] **Kazakovskaya V.V.**, Lichnyye mestoimeniya i ikh propusk (*pro-drop*) na rannikh etapakh usvoyeniya yazyka [Personal pronouns and their *pro-drop* in the early stages of language acquisition], Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. 40 (2024) 133–149. DOI: 10.31912/pvrli-2024.2.8
- [15] **Gagarina N., Özsoj O., Argus R., Avram L., Hrzica G., Korecky-Kröll K., Kazakovskaya V., Rosenberg M., Stephany U., Stoicescu I., Voeikova M., Dressler W.U.** Acquisition of pronouns in typologically different languages: morphological richness and *pro-drop* // 16th Congress of the International Association for the Study of Child Language. Prague, 2024. Book of abstract. P. 218.
- [16] **Shakhnarovich A.M., Arama B.Ye.**, Intonatsiya i modalnost [Intonation and modality], Shakhnarovich A.M. Izbrannyye trudy, vospominaniya družey i uchenikov [Selected works, memoirs of friends and students]. Publ. house “Gumanitariy” of the Academy of Humanitarian Research, Moscow, 2001, pp. 371–464.
- [17] **Tseytlin S.N.**, Vyrasneniye pobuzhdeniya v detskoy rechi [Expression of directive meaning in child language], Problemy funktsionalnoy grammatiki: Kategorizatsiya semantiki [Problems of functional grammar. Categorization of semantics], ed. by A.V. Bondarko. Nauka, Saint Petersburg, 2008, pp. 309–330.
- [18] **Voeikova M.D., Baida K.A.**, Development of directive expressions in Russian adult–child communication, Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective, ed. by U. Stephany, A. Aksu-Koç, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2021, pp. 113–158. DOI: 10.1515/9781501504457-004
- [19] **Ovchinnikova I.G., Uglanova I.A., Krauze M.**, Ob otsenke detmi dvukh vozrastnykh grupp stepeni uverenosti / neuverenosti vyskazyvaniya [On the assessment by children of two age groups of the degree of certainty/uncertainty of a statement], Problemy detskoy rechi — 1999 [Problems of children's speech — 1999]. Proc. of the All-Russian conference, Saint Petersburg, 1999, pp. 132–133.
- [20] **Krauze M.**, Epistemische Modalität. Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2007.
- [21] **Kazakovskaya V.V.**, Yazykovoye i kognitivnoye v usvoyenii epistemicheskoy modalnosti, Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. XIII (3) (2017) 542–575. DOI: 10.30842/alp2306573720198142
- [22] **Kazakovskaya V.V.**, Epistemic modality in Russian child language, Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective, ed. by U. Stephany, A. Aksu-Koç, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. pp. 421–453. DOI: 10.1515/9781501504457-012
- [23] **Kazakovskaya V.V., Gavrilova M.V.**, «Moye mneniye, chto...»: subyektivnoye nachalo v pismennom diskurse shkolnikov [“My opinion is that...”: the subjective introduction in school students' written discourse], Russkiy yazyk v shkole [Russian language at school]. 82 (6) (2021) 31–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-31-43

[24] **Kazakovskaya V.**, Epistemic modality in the speech of Russian young children and adolescents, *Philologia Estonica Tallinnensis. Languages, orderings and successions*. 5 (2020) 134–166. DOI: 10.22601/PET.2020.05.05

[25] **Kazakovskaya V.V., Onipenko N.K.**, Grammatika tochki zreniya: vvodno-modalnyye slova v rechi vzroslykh i detey [Grammar of the speaker's point of view: parenthetical modal words in the speech of adults and children], *Problemy funktsionalnoy grammatiki: Otnosheniye k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy* [Problems of Functional Grammar: Attitude towards the speaker in the semantics of grammatical categories], ed. by V.V. Kazakovskaya, M.D. Voeikova, Publ. House YSK, Moscow, 2020, pp. 246–288.

[26] **Sedov K.F.**, Struktura ustnogo diskursa i stanovleniye yazykovoy lichnosti: Grammaticheskiy i pragmalingvisticheskiy aspekty [The structure of oral discourse and the formation of linguistic personality: Grammatical and pragmalinguistic aspects]. Saratov Pedagogical University Press, Saratov, 1998.

[27] **Arutyunova N.D.**, Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt [Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact], Nauka, Moscow, 1988.

[28] **Sergiyenko Ye.A., Ulanova A.Yu., Lebedeva Ye.I.**, Model psikhicheskogo: Struktura i dinamika [Theory of mind: Structure and dynamics], Institute of Psychology RAS Press, Moscow, 2020.

[29] **Kazakovskaya V.V.**, Personalnost i yazyk ToM v rannem rechevom ontogeneze [Personality and language of ToM in early speech ontogenesis], *Voprosy Pchihologii*. 4 (70) (2024) 18–27. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/2024/244/244018.htm> (accessed 28.07.2025).

[30] Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective / ed. by U. Stephany, A. Aksu-Koç, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2021.

[31] **Hickmann M., Bassano D.**, Modality and mood in first language acquisition, *The Oxford handbook of modality and mood*, ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera, Oxford University Press, Oxford, 2016, pp. 430–447.

[32] **MacWhinney B.**, The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk. 3rd edition, Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, New Jersey, 2000.

[33] **Zhukova N.S., Mastukova E.M., Filicheva T.B.**, Logopediya. Osnovy teorii i praktiki [Speech therapy. Fundamentals of theory and practice]. Eksmodetstvo, Moscow, 2021.

[34] **Kazakovskaya V.V.**, Vopros i otvet v dialoge «vzroslyy — rebenok»: Psikholingvisticheskiy aspekt [Questions and answers in “adult – child” dialogue: Psycholinguistic aspect], URSS, Moscow, 2019.

[35] Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Temporalnost. Modalnost [Theory of functional grammar. Temporality. Modality], ed. by A.V. Bondarko, Nauka, Leningrad, 1990.

[36] **Nuyts J.**, Analysis of the modal meanings, *The Oxford handbook of modality and mood*, ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford University Press, Oxford, 2016, pp. 31–49.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Казаковская Виктория Вилладиевна

Victoria V. Kazakovskaya

E-mail: victory805@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1597-6527>

Поступила: 30.07.2025; Одобрена: 05.09.2025; Принята: 18.09.2025.

Submitted: 30.07.2025; Approved: 05.09.2025; Accepted: 18.09.2025.